

Н. Г. Кедров

Изюмова Л. В. Стратификация
колхозной деревни в 1930–1960-е гг.

(на материалах Европейского
Севера России).

Вологда: ВГПУ, 2010. 176 с.

Для специалистов не секрет, что современная историография советского крестьянства сегодня остро нуждается в обновлении своей тематики. За последнее десятилетие было предпринято несколько попыток глобального пересмотра основных концептуальных подходов в области аграрной истории советского периода. Одной из них стала концепция аграрного развития вологодских историков М. А. Безнина и Т. М. Димони, в своих исходных положениях связанная, прежде всего, с применением структур марксистского анализа к истории советской деревни¹. Книга кандидата исторических наук, докторанта Вологодского государственного педагогического университета Ларисы Владимировны Изюмовой является творческой апробацией идей Безнина и Димони к материалам Европейского Севера России.

Ввиду этого вряд ли стоило ожидать от книги Л. В. Изюмовой открытия новых «континентов смысла». Тем не менее она интересна. В первую очередь следует отметить, что автор оперирует обширным комплексом исторических источников, главное внимание среди которых уделено советскому законодательству, подзаконным актам, делопроизводственным документам советских и партийных органов, различным статистическим материалам. Другой важной положительной стороной исследования Л. В. Изюмовой стал намеренный отказ автора от традиционной для отечественного крестьяноведения парадигмы изучения крестьянства сквозь призму государственной аграрной политики. При этом автор отнюдь не игнорирует роль советского

**Кедров Николай
Геннадьевич,**
*кандидат
исторических наук,
старший
преподаватель,
Санкт-Петербургский
государственный
горный университет
(Санкт-Петербург)*

государства в процессе стратификации сельского социума, однако первостепенное внимание — не на вопросах социальной политики, а на характеристике различных групп сельских жителей, появившихся в результате возникновения и функционирования колхозной системы. Наконец, Л. В. Изюмовой удалось избежать научно неоправданных риторических суждений о загубленной большевиками российской деревне, характерных для пронизанной чувством ностальгии прозы писателей-деревенщиков и соответствующей научной традиции. Вместо них основой формирования идейной конструкции книги служит объективная логика социально-экономических процессов развития села. В силу этого монография Л. В. Изюмовой лишена какого-либо морального подтекста.

Структура монографии построена автором в соответствии с социальной структурой колхозной деревни. В частности, Л. В. Изюмова выделяет следующие категории колхозного социума: протобуржуазия (руководители коллективных хозяйств), менеджеры (бригадиры и заведующие колхозными фермами), интеллектуалы (агрономы, зоотехники, счетоводы), рабочая аристократия (трактористы и механизаторы), колхозный пролетариат и полупролетариат (рядовые колхозники). Характеристике каждой из названных социальных групп посвящена отдельная глава монографии. Само изложение материала внутри глав алгоритмизировано. Автор описывает численность, состав, правовое положение и материальное положение, социальное поведение каждой из указанных групп. Возможно, несколько странными кому-то покажутся сами дефиниции, избранные автором для описания. Однако все становится на свои места, если обратится к изначальным методологическим истокам концепции М. А. Безнина и Т. М. Димони. Название дефиниций — результат использования этими авторами структур марксистского социального анализа. В связи с этим даже появление столь диковато звучащей категории, как колхозные интеллектуалы, вполне объяснимо. Разумеется, абсолютное большинство этих интеллектуалов в исследуемый Л. В. Изюмовой период были далеки не только от энциклопедизма познаний, но даже не обладали дипломами о высшем образовании. Тем не менее в марксистско-ленинском классовом анализе присутствовал такой социальный слой, как интеллигенция. Соответственно, в каком-то смысле его аналогом в социальной структуре деревни выступают «интеллектуалы» вологодских историков. Вообще же применение подобного рода характеристик способствует универсализации исторического дискурса и может быть оценено вполне позитивно.

Значительно больше вопросов вызывает другой аспект исследования Л. В. Изюмовой. Действительно, можно согласиться с автором в том, что все названные группы в 1960-е гг. стали социальной реальностью жизни села. Однако насколько реальны были эти общности на ранних этапах формирования колхозной системы, в частности в 1930-е гг.? Осознавали ли представители различных категорий сельских жителей особенность своего социального положения уже тогда? Другими словами, не переносит ли Л. В. Изюмова

конечный результат на весь процесс эволюции сельского социума? Так, судя по известным нам материалам 1930-х гг., чувство обособленности, претензия на особый статус, связанный с отрывом от физического труда, определенные деловые навыки стали заметны к концу этого десятилетия среди руководителей коллективных хозяйств. Об этом же пишет и Л. В. Изюмова: «у колхозной протобуржуазии относительно рано возникло осознание того, что она занимает особое положение в колхозном социуме» (С. 51). Вероятно, свою обособленность от остальных жителей деревни могли ощущать и «интеллектуалы колхозного производства», поскольку большинство специалистов сельского хозяйства вплоть до 1950-х гг. не являлись членами колхозов, а числились государственными служащими (С. 96). Но как быть с остальными выделяемыми автором стратами колхозников? Характерными чертами хозяйственной жизни колхозов в 1930-е гг. были низкий уровень производственной специализации и значительная текучесть кадров. Показателен приводимый Л. В. Изюмовой на с. 56 пример некой колхозницы Кораблевой, которая с 1940 по 1950 г. занимала в своем колхозе не менее восьми различных должностей. Думается, что в 1930-е гг., время, когда колхозная система только формировалась, ситуация не отличалась большей стабильностью.

В историографии анализ социальной структуры российского села применительно к 1930 гг. был представлен в одной из статей М. Н. Глумной. Блестяще проанализировав характер внутренних отношений в деревне, исследовательница пришла к заключению о том, что в социальной структуре сельского социума можно выделить четыре различных социальных группы: управленцев, специалистов сельского хозяйства, передовиков производства и рядовых колхозников². Л. В. Изюмова воспроизводит этот вывод в историографической части своей работы (С. 6) и более к нему в своей монографии не обращается. В связи с этим возникает вопрос: как быть с выделенной М. Н. Глумной группой передовиков, которая в рецензируемой работе не фигурирует вовсе? Возможно, эта социальная субобщность и не имеет аналогий в структуре марксистского классового анализа, однако согласно нашим данным, сталинские ударники (стахановцы, передовики) в 1930-е гг. действительно иначе, чем большинство колхозников, осознавали свое место внутри колхозного социума. Их отличали трудовой энтузиазм, заинтересованность в общественном производстве, порою доходившая до параноидальных форм, забота о колхозной собственности, политическая и хозяйственная активность, нередко приводившая их в ситуацию конфликта с колхозной администрацией. Именно они в 1930-е гг. являлись носителями новой для села рабочей идентичности. Появление передовиков производства можно рассматривать как один из важнейших механизмов трансформации социальной структуры села. Для самих жителей села приобщение к числу передовиков становилось лифтом социальной мобильности. Другим возможным способом повышения своего социального статуса для крестьян могло служить вступление в ряды партийной организации. Увы, по-

добные конкретные механизмы социальной стратификации по большому счету остались за рамками исследования Л. В. Изюмовой.

В рецензируемой монографии Л. В. Изюмова выполнила, безусловно, важную и нужную работу. Она систематически проанализировала советское законодательство и нормативные материалы в отношении различных категорий сельских тружеников, охарактеризовав тем самым их правовое и экономическое положение. Тем не менее для понимания реальных процессов социальной эволюции этого недостаточно. Исследование последних требует анализа иных сюжетов, таких как социальная идентичность, социальные представления жителей села, их повседневные практики. В каждой из глав монографии Л. В. Изюмовой есть параграф, посвященный социальному поведению различных групп колхозного социума, но и в этих разделах автор рассказывает скорее об условиях, которые влияли на жизнь селян, нежели о самой этой жизни. Социальное поведение жителей села рассматривается с точки зрения его нормативности. Л. В. Изюмова пишет в большей степени о том, какие задачи возлагало государство на ту или иную группу жителей села, как регламентировало поведение ее представителей, и в отдельных случаях — о реакции крестьян на эти привнесенные из вне нормы. Собственно же анализу повседневного поведения и социальных представлений селян в этих разделах отведено весьма скромное место. Более тщательное изучение этих сюжетов, разумеется, потребовало бы значительной корректировки источниковой базы исследования, более пристального обращения к документам личного происхождения, крестьянским письмам в органы власти, воспоминаниям, фольклору. Обращение к данным видам источников в рецензируемой монографии присутствует, однако носит фрагментарный характер. Основываясь главным образом на законодательстве, вряд ли можно адекватно описать модели социального поведения той иной общности. Суммируя вышесказанное, можно заключить, что исследованию Л. В. Изюмовой явно не хватает антропологизма.

Несмотря на это, с заключениями автора относительно результатов социальной эволюции сельского социума к 1960-м гг. можно согласиться. Так, автор пишет о том, что социальная дифференциация колхозного социума развивалась «по мере углубления профессиональной специализации» (С. 174). **Можно отметить и особую роль в этом процессе советского государства, которое поощряло «работу «колхозной элиты»: председателей колхозов, специалистов сельского хозяйства, а также механизаторов» (С. 175). В итоге к концу исследуемого Л. В. Изюмовой периода сформировалась такая система социальной стратификации, где главными критериями социального неравенства были «наличие властно-распорядительных ресурсов, принадлежность к должностной и профессиональной категории, работа в определенной отрасли общественного хозяйства» (С. 174). Все это, на наш взгляд, свидетельствует о завершении в общих чертах к 1960-м гг. масштабного и длительного (охватившего всю первую половину XX в.) процесса социальной трансформации сельского со-**

циума, связанного с переходом крестьянства от сословной к профессиональной системе стратификации.

Книга Л. В. Изюмовой должна занять важное место в современной историографии российского крестьянства. Она необходима для понимания объективных процессов социальной эволюции советской деревни. Кроме того, монография Л. В. Изюмовой ставит в повестку дня исторической науки ряд новых задач, которые, надеемся, привлекут внимание молодых исследователей.

¹ Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: Тезисы научного доклада. Вологда, 2003; Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44; Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005.

² Глумная М. Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материалах Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265–286.

Kedrov N. G. Izumova L. V. Stratifikacija Kolhoznoj Derevni v 1930–1960-e gg. (Na Materialah Evropejskogo Severa Rossii).

AUTHOR: Ph.D. in History, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State Mining University (Saint-Petersburg); nk149@yandex.ru

REFERENCES:

¹ *Beznin M. A., Dimoni T. M. Agrarnyj stroj Rossi v 1930–1980-e gody': Tezisy' nauchnogo doklada.* Vologda, 2003.

² *Beznin M. A., Dimoni T. M. Agrarnyj stroj Rossi v 1930–1980-e gody' (novyj podhod) // Voprosy' istorii* 2005. N 7.

³ *Beznin M. A., Dimoni T. M. Kapitalizacija v rossijskoj derevne 1930–1980-x godov.* Vologda, 2005.

⁴ *Glumnaya M. N. K karakteristike kolhoznoho sociuma 1930-x godov (na materialax Evropejskogo Severa Rossii) // XX vek i sel'skaya Rossiya. Rossijskie i yaponskie issledovateli v proekte «Istoriya rossijskogo krest'yanstva v XX veke».* Tokyo, 2005.